

флегматичный деспотъ, жестокой и сладострастный, мягкая, общительная натура, мечтатель идей, наполеоновскихъ идей, какъ онъ ихъ называлъ, съ великими цѣлями и, при недостаткѣ ихъ, съ стремленіемъ къ престижу, т.-е. ослѣпляющему самообману, вообразившій, что въ бранденбургскомъ политикѣ онъ встрѣтитъ ученика своей школы; и онъ, этотъ человѣкъ „дѣйствительности“ (въ томъ смыслѣ, какъ употребляетъ это слово Гёте), который чувствовалъ подъ собой больше твердую почву, чѣмъ кто-либо въ Европѣ, тотъ, который преслѣдовалъ всегда ясныя цѣли, выбиралъ всегда вѣрныя средства и которому до сихъ поръ удавалось все, рѣшительно все! Онъ—эта стихійная сила, этотъ древній туръ дѣвственныхъ лѣсовъ Германіи, собравшій въ себѣ въ теченіе тысячелѣтій разумъ двѣнадцати мужей и мощь сорока миллионовъ людей. Когда въ Германіи глубокая тина засосала все и вся, онъ мужественно впрягся въ колесницу, разомъ двинулъ ее и помчалъ съ неудержимой силой по ровной дорогѣ: подъ колесами ея онъ смялъ теперь цѣлую имперію.

Но я началъ говорить о прямоѣ Бисмарка въ частныхъ отзывахъ его о царствующихъ особахъ. Онъ одинаково свободно выражается, какъ объ особахъ германскихъ, такъ и иностранныхъ дворовъ. Множество мелкихъ анекдотовъ, которые передавали мнѣ люди, слышавшіе ихъ изъ устъ самого Бисмарка, рисуютъ его манеру говорить болѣе, чѣмъ какой-либо изъ опубликованныхъ его отзывовъ, которые мнѣ приходилось читать. Одному изъ моихъ знакомыхъ онъ сказалъ у себя за столомъ: „Вы найдете у меня всякую водку, какую только пожелаете. Россійскій императоръ прислалъ мнѣ въ подарокъ цѣлую коллекцію, и я долженъ признаться, что неохотно сажусь обѣдать, не выпивъ рюмку водки. Въ прежнее время я всегда находилъ, обѣдая при дворѣ, у своего прибора графинчикъ съ водкой. Но нѣсколько времени тому назадъ, я въ одинъ прекрасный день не нашелъ его болѣе. Одна очень высокопоставленная особа выразилась какъ-то противъ допущенія водки за ея столомъ. Ничего не подозрѣвая, я говорю лакею: „водки!“ „Водки нѣтъ, ваше сіятельство!“ „Принеси!“ „Ея императорское величество запретили подавать за обѣдомъ водку“. „Ахъ, вотъ что! Принеси мнѣ тогда рюмку ликеру!“ Минуту спустя рюмка была передо мной. Я пью: водка! Я смотрю съ удивленіемъ на слугу; но тотъ продолжаетъ сохранять непроницаемо подобострастный видъ. Вотъ видите, что значить имѣть протекцію у лакеевъ. Я всегда былъ друженъ съ ними. Если сверху меня и дразнить иногда, зато снизу относятся ко мнѣ всегда благосклонно“.